

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 9.

1-го Мая

1871 года.

— *Содержаніе.* — Слово въ недѣлю о разслабленномъ. — Бесѣды о происхожденіи и значеніи принадлежностей христіан. храмовъ. — Недай, Богъ смерти!

С Л О В О

Въ недѣлю о разслабленномъ ¹⁾.

Хочешь ли цѣлѣ быти? Ей, Господи!.. се здравъ еси..., не согръшай!..
(Іоан. 5, 6. 7. 14.)

Вы слышали, брат., о чемъ читалось сегодня евангеліе?—Объ изцѣленіи разслабленнаго, который тридцать восемь лѣтъ лежалъ, въ своемъ тяжкомъ недугѣ, при овчей кувѣли въ Іерусалимѣ, и только силою чудодѣйственныхъ словъ Спасителя: *востани..., и ходи* (—8.) воздвигнуть отъ одра болѣзненнаго и — отъ полужизни возвращенъ къ полной жизни.

Тридцать восемь лѣтъ страдать и мучиться болѣзнію—безъ всякой, по видимому, надежды когда либо избавиться отъ ней! Столько времени и одну лишь эту горькую жалобу произносить, если не въ слухъ другихъ, то въ тайнѣ своего скорбнаго сердца: *человѣка не имамъ* (—6) (который помочь бы мнѣ)! — Согласитесь, что положеніе несчастнаго болнаго было тяжело и безотраднѣе. Нелучше ли, не естественнѣе ли, по видимому, было для него желать смерти, нежели продолженія жизни

1) Произнесено въ Брестовой церкви 1817 г. апр. 18.

ни—послѣ столькихъ лѣтъ страданія? Не могла ли охладить, обезсилить, умертвить въ немъ привязанности къ жизни его тяжкая, убійственная болѣзнь? И—однако что же? Когда Спаситель, увидѣвъ его, спросилъ: *хочешь ли цѣль быти?* онъ отвѣчалъ: *ей, Господи!* такъ! я хочу быть здоровымъ, я хочу жить,—изцѣли меня, дай мнѣ жить!..

Глубоко, глубоко коренится въ насъ привязанность къ жизни. И сами часто того не вѣдая и не зная, и сами не давая себѣ отчета, за что и почему, мы любимъ жизнь, мы дорожимъ ею, — мы видимъ въ ней высокій даръ Божій.

Да! нельзя не любить жизни, нельзя не дорожить ею: она дѣйствительно великое благо, великій даръ Божій человѣку.

Это, прежде всего, надобно сказать о жизни временной. Она даетъ намъ возможность пользоваться столькими благами, испытывать столько высокыхъ удовольствій и радостей! Ей, напримѣръ, мы обязаны отрадными усилями и успѣхами ума, собирающаго, при свѣтѣ науки, озаряемой вѣрою, и при свѣтѣ самой вѣры, разнообразныя познанія о всемъ,—отъ камней на глубинѣ моря до таинъ превысшренняго неба. Она даетъ намъ случай къ высокимъ дѣламъ укрѣпленной благодатию Божіею воли, не слабѣющей ни предъ какими подвигами, не падающей ни предъ какими трудами—и въ пустынномъ уединеніи отшельника, и на-поприщѣ брани и государственной службы, и въ борьбѣ съ стихіями и враждебными обстоятельствами житейскими. Она питаетъ сладостныя стремленія и чувства въ нашемъ сердцѣ... Надобно быть совершенно чуждымъ всѣхъ наслажденій знанія, всего свѣтлаго и отраднаго въ нравственной дѣятельности, — надобно, можно сказать, не жить, чтобы, при всемъ разнообразіи благъ жизни, непонимать, что она есть высокое благо, великій даръ Божій человѣку.

«Ахъ жизнь, жизнь земная!»—Говорилъ одинъ несчастливецъ въ жизни... «Какое бремя налагаешь ты на меня! Сколько горестей ты даешь мнѣ! Но—я съ благоговѣніемъ и любовію лобызая ту руку всеблагую, которая дала мнѣ тебя»!.. Да! не одними радостями, не одними свѣтлыми днями даритъ насъ жизнь. Знаетъ каждый, если не по своему собственному опыту, то изъ примѣровъ другихъ, цѣною какого тяжкаго труда покупаются всѣ блага жизни, съ какими горькими лишениями и скорбями перемѣшиваются ея радости. Не смотря на то, жизнь отъ этого отнюдь не теряетъ своей цѣны для каждаго. Скажите, напри- мѣръ, вы, отцы и матери семействъ!—скажите! не тяжкія ли заботы, большею частію, лежатъ на васъ? Непродолжительные ли и не усныя труды достаются въ удѣлъ вамъ? Но—жизнь сладка для васъ именно своими требованіями отъ васъ разнообразныхъ заботъ и трудовъ,—заботъ о дѣтахъ, трудовъ для семейства... Вы, напри- мѣръ, одинъ — одинокій страдалецъ, похоронившій своихъ близкихъ, друзей своего сердца! Вы, гонимый обстоятельствами несчастливецъ, внезапно лиш-

вѣдѣній своего состоянія! Вы наконецъ всѣ люди бѣдные, люди страждущіе, такъ горько жалующіеся на судьбу свою! Какой тяжелый крестъ несете вы! Но не правда ли, что и вы, по выраженію одного св. отца 2), «любызаете бремя, налагаемое» на васъ этимъ «крестомъ»? И вы служите живыми свидѣтелями того, что жизнь есть великій даръ, — при всей горечи, сладкій источникъ радости и счастья? Умереть вамъ не хочется: жизнь все таки привязываетъ васъ къ себѣ, если не дѣйствительными радостями, то хотя надеждами... Вы проливаете слезы надъ могилою отца и матери, надъ могилою вашихъ дѣтей, вашихъ друзей. Но въ этихъ слезахъ, которыя вы любите проливать, — неправда ли? — есть не малая доля сладости. Откуда же она, эта странная сладость въ горькихъ слезахъ? Не ясно ли, что жизнь, какъ бы ни была она несчастна, пересидываетъ привязанностію къ ней, побѣждаетъ, услаждаетъ самое горе?...

Такимъ образомъ и жизнь временная можетъ быть названа величайшимъ даромъ благодати Божіей. Но жизнь временная есть только начало, и даже меньше, чѣмъ начало, — преддверіе вѣчной. Придетъ время, когда для насъ откроется неизсякаемый источникъ благъ, *ихъ же око невидѣтъ и ухо не слышитъ* (1 Кор. 2, 9.); когда *духъ нашъ утолитъ свою жажду живою водою вѣчною* (Іоан. 4, 10, 14.); когда тѣльное тѣло наше облечется безсмертіемъ и нетлѣніемъ, и будетъ блаженствовать вмѣстѣ съ духомъ. Придетъ время, когда *нове небо и новая земля* (2 Петр. 3, 14.), исполненная правды, мира и радости, въ самой свѣтлой дѣйствительности представятъ намъ свои красоты, какихъ теперь не можетъ представить самое живое и сильное воображеніе; когда весь міръ блаженныхъ духовъ, ангеловъ Божіихъ, таинственно назирающихъ за нами нынѣ, откроется намъ во всей своей небесной дѣлности и приметъ насъ въ свое общеніе; когда *Самъ Трїединный Богъ будетъ всяческая во вѣкъ* (1 Кор. 15, 28.), и мы *узримъ Его, якоже есть* (1 Іоан. 3, 2.), и *будемъ съ Нимъ всегда* (1 Сол. 4, 17.)! Нужно ли говорить, что будущее наше вѣчное блаженство есть невыразимо-великій даръ Божій?..

О, если бы Господь сподобилъ и насъ, послѣ настоящей земной, удостоиться блаженной жизни небесной! Не забудемъ только, братъ, что стяжать ее, эту небесную жизнь, могутъ одни тѣ, которые, живя на землѣ, не расторгаютъ союза съ вѣчностью, употребляютъ дни земаго странствія на приготовленіе себя къ блаженству загробному, *угодиванному любящимъ Бога* (1 Кор. 2, 6.), пользуются жизнью для угожденія Богу, привлекаютъ къ себѣ Божіе благоволеніе — *благочестіемъ* (1 Тим. 4, 8.). Будемъ помнить это, — будемъ жить всегда съ Богомъ и для Бога. Иначе въ жизни не будетъ для насъ утѣшенія и сла-

2) См. жизнь Григор. Богослова, М. 1845 г. стр. 91.

дости, какъ бы ни казалась она наружно-хороша и счастлива... Что сказалъ Спаситель издѣленному Имъ разслабленному (о которомъ мы слышали сего дня въ евангеліи)? *Се здравъ еси..., не согрѣшай!* Призвавъ отъ полужизни, которою, можно сказать, дотолѣ жилъ несчастный, въ своей тяжелой и долгой болѣзни,—призвавъ къ полной жизни, Господь далъ ему наставленіе и заповѣдь, какъ пользоваться этою жизнью: *не согрѣшай!* Грѣхъ, какъ извѣстно, разлучаетъ насъ съ Богомъ, удаляетъ отъ Него. Итакъ не согрѣшать—это значить не удаляться отъ Бога,—быть, напротивъ, какъ можно ближе къ Нему. Ищите же въ своей жизни одного—единенія и союза съ Господомъ; ищите въ своихъ трудахъ, въ своей дѣятельности Его благословенія и помощи, Его щедротъ и милости. При благодатномъ содѣйствіи, при помощи свыше, служите Ему всѣми своими силами,—служите всѣмъ помышленіемъ, всею крѣпостію воли, всѣми чувствами сердца. Вотъ долгъ, вотъ призваніе и цѣль жизни каждаго! И только при исполненіи этого долга, по мѣрѣ достиженія только этой цѣли, наша жизнь будетъ имѣть для насъ свою цѣну, будетъ дѣйствительно и несомнѣнно великимъ благодѣяніемъ, великимъ даромъ Божиимъ.

Вотъ, на примѣръ, человекъ ума и знанія, труженникъ науки. Пусть помнитъ онъ, если желаетъ найти для себя въ жизни истинное утѣшеніе, что его, посвященная умственной дѣятельности, жизнь не много дастъ ему радостей въ настоящемъ, немного надеждъ въ будущемъ, если онъ будетъ вести ее, не обращаясь къ помощи благодати Божіей, если не поставитъ цѣлю ея—благоволеніе и милость Божію. Онъ будетъ трудиться въ тщетной надеждѣ—увидитъ свѣтъ истины, удовлетворитъ жаждѣ своего ума. По мѣрѣ того, какъ будетъ отдаляться отъ *единого на потребу* (Лук. 10, 41.), онъ придетъ къ такому множеству неразрѣшимыхъ недоумѣній, въ состояніе такой мучительной душевной жажды, такого горькаго сознанія своего безсилія, что не радъ будетъ и жизни, приносящей ему такіе горькіе плоды... «Паль бы я подъ бременемъ своего несчастья, если бы Богъ не избавилъ меня своею помощію», — такъ говоритъ одинъ древній св. отецъ ³⁾ о своемъ умственномъ состояніи, которое онъ испытывалъ, находясь еще въ язычествѣ... «О Христе! Ты былъ Спасителемъ моимъ!.. Ты разрѣшилъ мои сомнѣнья, раскрылъ предомною закрытое, просвѣтилъ мрачное. А дотолѣ (до обращенія т. е. въ христіанство) я лежалъ, покрытый мракомъ темной ночи, и, волнуемый бурями мятущаго вѣка, полный сомнѣній, не зная цѣли моей жизни, чуждый свѣта истины, носился, какъ сбившійся съ пути»...

Не нужно забывать и того, что ожидаетъ человека, который хочетъ найти истину безъ указанія и помощи небесной, благодатной, —

3) Св. Випріанъ въ своихъ письмахъ.....

что ожидаетъ его приразлукѣ съ жизнью? — Большою частію горькая, безотрадная мысль, что онъ ошибался, заблуждался! Да! рѣдко кого изъ тѣхъ, кто мыслить и мудрствуетъ безъ Бога и не для Бога, — рѣдко не пощщаетъ на смертномъ одрѣ страшно-безутѣшная мысль, что его напрасный трудъ, не усладившій настоящаго, ничего не приготовилъ для будущаго, кромѣ безвыходной тьмы, кромѣ вѣчнаго мрака... И — не одинъ изъ такихъ несчастныхъ, умирая, говорилъ, какъ говорилъ когда-то при послѣднемъ издыханіи одинъ царь-богоотступникъ: «Ты побѣдилъ меня,» Христосъ!..

Избави Богъ, называя себя мудрымъ, обезумѣть (Рим. 1, 22.) до того, чтобы, напримѣръ, подобно нынѣшнимъ матеріалистамъ, отрицать и самое бытіе Божіе, и человѣка почитать простымъ, хотя и вышшимъ другихъ, животнымъ, для котораго не нужны ни религія, ни нравственность, для котораго нѣтъ будущаго, нѣтъ безсмертія!.. Совсѣмъ иное дѣло, когда, вспоможествуясь Божіимъ благословіемъ, человѣкъ трудится на поприщѣ своей умственной дѣятельности въ угожденіе Богу, стяжая ея, этою своею дѣятельностію, благодать и милость Божію. Съ спокойствіемъ убѣжденія въ важнѣйшихъ истинахъ вѣры, въ истинахъ знанія выходитъ онъ на трудъ свой твердою стопю, не колеблясь, не увлекаясь всякимъ вѣтромъ ученія (Ефес. 4, 14.). И успѣшенъ будетъ его подвигъ: благодать оградитъ его, удержитъ отъ уклоненія къ опаснымъ крайностямъ, просвѣтитъ очи его, откроетъ ему болѣе, чѣмъ все его усилія, доставитъ ему, рано или поздно, достойную честь отъ людей, уготовитъ вѣчную награду отъ Бога: *въ руцѣ Божіи благое шествіе мужа, и на лицѣ книжника возложитъ славу свою* (Сир. 10, 5.)...

Возстаютъ предъ нами въ памяти свѣтлые образы древней церкви, ея великія свѣтила, св-отцы — утители. Вотъ истинные образцы христіанскихъ мыслителей! Вотъ кому, послѣ Христа и апостоловъ, нужно и спасительно подражать въ дѣлѣ мышленія, въ дѣлѣ мудрствованія о предметахъ земныхъ и небесныхъ, человѣческихъ и Божескихъ!.. Замѣйте, что многіе изъ нихъ были превосходно, по своему времени, и научно образованы, — знали, напримѣръ, въ совершенствѣ философію, естественныя науки ⁴⁾. Но — на что употребляли это богатство своего знанія св-мужи? «Я былъ чувствителенъ къ славѣ ученія», говоритъ, напримѣръ, о себѣ св. Григорій Богословъ (б). «Чтеніе мое было долговременно и трудно. Но все сіе повергъ я смиренно къ стопамъ Христовымъ, покорявъ Божію слову... Я рѣшился свѣтскія науки, которыя изучалъ, употребить въ пользу Божественной истины... Философію мою я посвятилъ на то, чтобы служить Богу самымъ дѣломъ, а не видомъ»... И — благословіе Божіе видимо почивало на своихъ избран-

4) Читайте, наприм., шестодневъ св. Вас. Великаго. — (б) Жизнь св. Гр. Богосл. стр. 85, 10. 19.

никахъ,—и съ глубинами вѣдѣнія человѣческаго имъ открыты были тайны Богосозерцанія, и жили они на землѣ человѣками небесными, и удостоились на небѣ блаженной жизни равноангельской...

Вотъ человѣкъ ищетъ счастья—въ дѣлахъ твердой воли, въ подвигахъ самоотверженія, мужества, *терпѣнія*. *Прекрасно!* Но—какъ онъ достигнетъ этого счастья?—Иначе, какъ если свои дѣла, свои подвиги будетъ совершать при помощи свыше, при содѣйствіи благодати, и посвящать ихъ Богу. Всѣ другія побужденія, которыми онъ сталъ бы руководиться въ этомъ случаѣ, не приведутъ его къ желаемой цѣли. Корыстные, напримѣръ, расчеты, живое представленіе достоинства и высоты терпѣнія, холодное сознаніе долга,—какъ все это мало для того, чтобы поддержать ревность къ дѣятельности, тѣмъ болѣе дѣятельности христіанской,—и доставить ей успѣхъ! Поддержать ли корыстный расчетъ храбрость воина на полѣ брани, когда ему каждую минуту предстоитъ смерть? А посмотрите на древнихъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Откуда въ нихъ это необычайное безстрашіе, это безпримѣрное самопожертвованіе? Чго, кромѣ Бога и всецѣлой, безраздѣльной любви къ Нему, укрѣпляло ихъ въ тѣхъ подвигахъ, которымъ мы можемъ только съ благоговѣніемъ удивляться? «Да устремятся на меня огонь, звѣри, сотрѣніе костей, разсѣченіе главы, сокрушеніе всего тѣла, всѣ ужасы діавола, только бы достигнуть мнѣ Иисуса Христа!»—такъ говорилъ, напримѣръ, одинъ св. мученикъ⁵⁾, и — молилъ Бога, чтобы ничто не воспрепятствовало ему пострадать... Самое живое представленіе достоинства и высоты терпѣнія одушевить ли человѣка непоколебимымъ терпѣніемъ среди различныхъ непріятностей и невзгодъ житейскихъ, среди различныхъ скорбей и бѣдствій, для перенесенія которыхъ нужно бываетъ много твердости воли, много требуется подвиговъ волюкодушія и мужества? Положимъ, что кто нибудь страдаетъ тяжкою болѣзнію. «Терпи», скажутъ страждущему, — «будь великодушенъ, мужественъ,—затаи въ себѣ свои страданія»... «Какъ вы думаете?» — спрашиваетъ одинъ учитель церкви⁶⁾. «Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе?.. Если на семь остановиться... то скорѣе можно призвать» для него «отчаяніе, нежели ограду... Приди премудрость Божія! Помоги Божественная религія! Ты» одна «можешь сказать страждущему», что особенно ему нужно въ его болѣзни, одна можешь изцѣлить его!.. Холодное сознаніе долга поддержитъ ли человѣка въ дѣланіи добра, въ подвигахъ благочестія среди различныхъ искушеній, смущающихъ его и безпрестанно прогиводѣйствующихъ труду его? Я знаю, напримѣръ, что мнѣ *должно* подавать милостыню; но я не знаю, какъ и кому подавать ее! Меня смущаютъ мои недостатки,—меня соб-

5) Св. Игнатій Богоносецъ. О Христ. мученичествѣ, Моск... 1852 г. стр. 54.

6) См. Слова и Рѣчи Филарета, М. М. 1848 г. ч. 2, стр. 28.

лазняють разнаго рода нищіе... Научи меня, Христе! Просвѣти меня благодатнымъ свѣтомъ твоего евангелія!..

Такъ безъ Бога и Его небесной помощи, чтобы мы нидѣлали для блага и счастья своей жизни, дѣлали бы напрасно! Все наше дѣланіе было бы весьма несовершенно,—ему не доставало бы прочной основы и силы... Съ другой стороны, только тогда каждое изъ совершаемыхъ нами дѣлъ, каждый изъ подъемлемыхъ нами подвиговъ бывають успѣшны, приносятъ истинно-цѣнный плодъ, когда ими заслуживается благоволеніе Божіе, воздающее за временный трудъ вѣчною наградою. Всѣ другіе плоды, случайные и преходящіе, доставляютъ слишкомъ мало, и то мимолетныхъ, утѣшеній во времени. Самодовольство, похвала и слава людская,—какъ все это мало и ненадолго можетъ утѣшить человѣка среди, на примѣръ, подвиговъ терпѣнія!.. Хотите ли, чтобы трудъ жизни былъ для васъ истинно сладостенъ? Посвятите его Богу, стяжите имъ милость Божію,—и вы и здѣсь будете счастливы мыслію, что угодили своему Творцу и Господу, и въ другую жизнь пойдете съ миромъ и надеждою, потому что богоугодныя дѣла ваши пойдутъ въ слѣдъ за вами (Апок. 14, 13.).

Вотъ человѣкъ ищетъ пищи своему сердцу—въ различныхъ радостяхъ жизни. Не найдетъ онъ этой пищи, если будетъ искать радостей не богоугодныхъ, если удовольствій, какія вкушаетъ, nebudeтъ освящать употребленіемъ ихъ во славу Божію, въ угожденіе Богу. Есть много въ насъ потребностей ложныхъ, много средствъ удовлетворенія ихъ неестественныхъ, искусственныхъ, выдуманныхъ; есть много удовольствій, иссушающихъ, убивающихъ жизнь, о которыхъ можно сказать тоже, что говорилъ Ионаѳанъ, сынъ Саула, о каплѣ меда, которую неосторожно усладилъ языкъ свой: *вкусихъ мало меду, и се умираю* (1 Цар. 14, 43.). Предайтесь имъ, этимъ грѣховнымъ радостямъ,—и вы будете отравлять свою жизнь по мѣрѣ вкушенія ихъ, притупите наконецъ вкусъ ко всякой радости, сдѣлаете самую жизнь свою въ тягость себѣ. Отъ чего, на примѣръ, говорятъ объ иномъ человѣкѣ, что онъ пресытился жизнью? Отъ чего иногда это пресыщеніе ведетъ—подумать страшно! къ самоубійству? Такъ было особенно во времена безнравственности и безбожія языческаго предъ рождествомъ Христовымъ; такъ, къ несчастію, бываетъ и теперь—между многими, называющими себя христіанами... Нѣтъ, нетолько противныхъ закону и совѣсти удовольствій бѣгайте, какъ отравы, но самыми невинными, законными радостями жизни пользуйтесь такъ, чтобы это не отвращало отъ васъ, а привлекало къ вамъ милость Божію; иначе и онъ не принесутъ вамъ счастья, не усладятъ вашей жизни. Васъ благословилъ Богъ благоустроенною семейною жизнью, наградилъ обиліемъ земныхъ преимуществъ и сокровищъ: какъ все это мало можетъ усладить жизнь, если принимается не какъ милость Божія, употребляется не настояжаніе благоволенія Божія!

Опытъ показываетъ, что все это не очень радуетъ человѣка, принимающаго эти дары небесной любви и благодати, не какъ временные дары Божіи, и думающаго самолюбиво пользоваться ими въ свое только благо, въ свое удовольствіе. Среди мира и видимаго счастья такой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться жизнью, терзаетъ себя то мыслию о смерти, то мыслию о потерѣ сокровищъ, имъ любимыхъ, и нерѣдко проливаетъ слезы, когда все вокругъ улыбается ему, когда ты сячи ближнихъ съ нѣкоторою завистію смотрятъ на его благосостояніе, въ которомъ нашли бы для себя много радостей.. Употребляйте ваши силы, ваши труды, ваше достояніе на дѣла святаго, богоугодныя; всеѣмъ пользуйтесь, какъ даромъ Божіимъ, — пользуйтесь *не себѣ угождая, какъ и Христосъ не себѣ угождалъ* (Рим. 15, 1. 3.), — и вы узнаете, что такое счастье въ жизни, какое драгоценное унасъ сокровище — жизнь, которая даетъ намъ еще на землѣ предвкушать ожидающее насъ блаженство неба, если только на землѣ мы живемъ для неба, и его блаженства...

Боже мой! мы удивляемся подвигамъ древнихъ пустынно-жителей; насъ изумляютъ ихъ необычайные, непрерывные труды отшельническіе и — среди этихъ тяжкихъ, суровыхъ, изнурительныхъ трудовъ — ихъ невозмутимый миръ душевный, ихъ невыразимо-сладкое спокойствіе сердца, ихъ полное счастье и довольство жизнью. Но — съ Богомъ вездѣ и всякому хорошо! *Что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?.. Боже сердца моего, и часть моя, Боже возгнѣхъ* (Пс. 72, 25. 26.)! — такъ могъ говорить съ св. псалмопѣвцемъ каждый отшельникъ. Да! Богъ былъ Богомъ сердца св. пустынножителей: они отдали Ему себя всецѣло и безраздѣльно, — одушевлялись горячею ревностію, пламенѣли любовію къ Нему. Чтo же удивительнаго, если въ самой своей труженнической жизни, приближавшей ихъ къ Богу, они находили источникъ блаженства для своего сердца? И — они находили его въ такомъ обиліи, что желали бы до безконечности увеличивать свои труды и подвиги. «Повѣрь, сынъ мой!» — говорилъ одинъ старецъ молодому отшельнику, удивлявшемуся трудамъ и изнуренію, какимъ тотъ подвергалъ себя въ преклонныхъ лѣтахъ, — «повѣрь, сынъ мой! Богъ такую ревность и любовь къ служенію (ему) даровалъ душѣ моей, что я никакъ немогу вполнѣ удовлетворить ея расположенію»⁷⁾. Что удивительнаго, далѣе, если по тому самому, что въ сердцахъ Божіихъ человѣковъ *пребывалъ* Христосъ и Его неизглаголанная *радость* (Іоан. 15, 11.), они считали за ничто блага и удовольствія земныя? И всего міра не захотѣли бы они приобрѣсть (Марк. 8, 36.) взаменъ тѣхъ наслажденій и восторговъ небесныхъ, которыми питалась, упоевалась душа ихъ. «Пренебрегалъ я», говорить, на примѣръ, о себѣ св. Григо-

7) См. Истор. правосл. монаш. на Востоцѣ, Моск. 1854 г. ч. 1. стр. 9-10.

рій Богословъ 8), — «пренебрегалъ драгоценною одеждою, роскошною трапезою, пренебрегалъ пространными, великолѣпными палатами... Воля благоуханій нераспространялась вокругъ меня. Серебро и золото оставилъ я скупымъ... Не искалъ я славы людской... Власти и чины меня не искушали... Мое богатство составляли—не поля изобильныя, не прекрасныя рощи, не многочисленныя стада, не множество слугъ... Христось, возносящій горѣ духъ мой,—вотъ все мое богатство!.. Тебѣ единому, Господу всей твари, предалъ я себя, — Тебѣ посвятивъ свои чистыя желанія»!.. А древніе св. мученики? То, что многихъ изъ насъ можетъ привести въ трепеть,—всѣ эти роды мученій и пытокъ, самыхъ лютыхъ и безчеловѣчныхъ, всѣ эти ужасы смерти казались имъ сладостнѣе всѣхъ возможныхъ наслажденій и увеселеній міра; въ нихъ находили они для себя источникъ не скорби невыносимой, не плача горькаго и слезъ кровавыхъ, но—величайшей радости и блаженства.» О благій крестъ, давно желанный, усердно любимый, неослабно искомый и теперь приготовленный для меня! Къ тебѣ прихожу я спокойный и радостный, и ты съ торжествомъ прими меня!»—такъ говорилъ одинъ св. мученикъ (6), когда его вели на крестную казнь, жесточайшую изъ всѣхъ казней... Съ Богомъ,—повторимъ сказанное нами выше,—ездѣ и всякому хорошо,—ездѣ съ Нимъ рай блаженный! *Аще и пойду посреди стнн смертныя, неубоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4.). Онъ—всблагій, всеблаженный—проливаль потоки сладости небосной и въ сердца мучимыхъ за имя Его страстотерпцевъ...

Вотъ, братъ, какимъ образомъ мы должны пользоваться жизнью, если желаемъ, чтобы она имѣла всю свою цѣну, служила для насъ источникомъ истиннаго счастья,—если желаемъ видѣть въ ней дѣйствительно великій даръ Божій. Съ Богомъ мы должны проводить ее, Богу безраздѣльно посвящать. Ему должны мы служить всѣми силами нашей души,—умомъ, волею, сердцемъ. Всѣ наши познанія, всѣ наши дѣла, всѣ наши чувствованія и стремленія сердечныя,—все должно быть принесено въ жертву Ему, «повергнуто къ стопамъ Его».

О, если бы каждый изъ насъ, цѣна въ жизни великую милость, великое благо, великій даръ Божій, могъ приносить этотъ даръ только Господу, а не употреблять его въ угоду своего самолюбія,—для своихъ заблужденій, страстей, порока, грѣха! Если бы душа cadaго, непятнанная, непорочная во всей своей дѣятельности, была всегда готова сказать своему Спасителю и Господу: «блаженный, безначальный, живущій въ селеніяхъ небесныхъ! Се предстою. Прими и меня... Тебѣ отдаю себя чистою» 9)!..

8) См. жизнь его стр. 84. 85. 99.—(6) Св. Ап. Андрей первозванный. О христ. мученич., стр. 53-54.

9) См. Ист. правосл. монаш. на Вост... ч. 1, стр. 33.

Се здравъ еси... не согрѣшай! — сказалъ Господь изцѣленному расслабленному. «Я изцѣлилъ тебя, я далъ тебѣ здоровье, жизнь... Не уклоняйся отъ Бога, не оскорбляй, не прогнѣвай Его грѣхами, — будь неразлучно съ Нимъ, живи для Него!»..

«Но можно ли», скажутъ, «негрѣшить человѣку»? Пожалуй, что негрѣшить нельзя, — человѣкъ не ангелъ... И слово Спасителя: не *согрѣшай* — надобно понимать такъ, что не должно грѣшить произвольно, намѣренно, сознательно, — грѣшить притомъ такъ, чтобы не считать грѣхъ и за грѣхъ, т. е. быть нераскаяннымъ. Нераскаянность — вотъ отъ чего да избавить Господь каждаго! Если уже нельзя не грѣшить, то необходимо каяться въ грѣхахъ. А безъ покаянія — гибель: *если не покаетесь, говоритъ Спаситель, все погибнете* (Лук. 13, 3)!..

Къ несчастію, что намъ сказать и о своемъ покаяніи? «Весь міръ», по словамъ одного учителя церкви ¹⁰⁾ «подобенъ окрестности купѣли отъчей; всѣ мы подобны больнымъ, слѣпымъ, хромымъ, сухимъ лежавшимъ въ пяти притворахъ купѣли. По временамъ и къ намъ сходитъ ангелъ и возмущаетъ въ купѣли нашей воду. По временамъ и мы чувствуемъ въ себѣ движеніе духа, приходятъ намъ мысли о смерти, чувства раскаянія. Отъ чего же все это не изцѣляетъ насъ? Отъ того, что мы не даемъ ангелу Господню, или душе, самому духу Божію, — не даемъ возмутить воду совершенно, отъ самаго, такъ сказать, дна, въ самомъ основаніи нашего сердца; отъ того, что покаяніе наше подобно легкому вѣтерку, тоторый едва струитъ поверхность воды»..

Господи, человека неимамъ! — пусть каждый изъ насъ такъ говорить и молится Спасителю. Силы мои слабы, я такъ немощенъ, что самъ собою ничего немогу произвести во благо души своей. Умилосердись надо мною, пошли мнѣ въ помощь благодать Твою! — «Изцѣли (скажемъ словами одного св. Отца ¹¹⁾), — изцѣли проказу, покрывающую меня; возврати зрѣніе очамъ моимъ, слыханіе уху моему, плоть и кровь мнѣ — иссохшему отъ злорадія грѣховнаго!».. Искреннее сознание своей немощи и совершенная преданность Спасителю всего болѣе могутъ немочь намъ въ дѣлѣ покаянія. Господь и каждому изъ насъ скажетъ: *востани и — ходи!*..

Такимъ образомъ, и согрѣшая, — если это уже неизбѣжная несчастная наша доля, наслѣдованная отъ падшаго праотца, — и согрѣшая, будемъ имѣть, какъ говорится, въ одной церковной молитвѣ (б), «покаяніе всецѣлое и сердце люботрудное во взысканіе» Господа Бога. Будемъ каяться и искать Его, — искать и находить, и не удаляться отъ Него,

10) См. собран. поучен. издан. при Кіев. Д. Акад. 1855 г. т. 1, стр. 56.

11) См. жизнь Григор. Богосл... стр. 104. — (б) См. молитву по канонѣ покаянномъ.

быть всегда съ Нимъ, жить для Него. Дѣлаясь изъ грѣшныхъ праведными (черезъ покаяніе), посвящая себя всецѣло Господу — Подателю всѣхъ благъ, Источнику всякаго блаженства, мы сдѣлаемъ для себя истинно-отрадную жизнь свою: она будетъ тогда для насъ истинно-высокимъ благомъ, истинно великимъ даромъ Божиимъ! Аминь.

Иером. Гермогенъ.

Б Е С Ъ Д Ы

О происхожденіи и значеніи принадлежностей христіан. храмовъ.

1. О необходимости усерднаго посѣщенія храма Божія.

Коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ! Желаетъ и сконцавается душа моя во дворы Господни. (Псал. 83, 2, 3.)

Такъ восклицалъ Богоизбранный царь израильскій Давидъ: и часто восклицалъ онъ такъ, и какъ восклицалъ — такъ и чувствовалъ; и какъ чувствовалъ такъ и поступалъ. Давидъ былъ царь знаменитый; царство его было обширно, сильно, страшно врагамъ и очень богато. Другой, намѣстѣ Давида, легко могъ бы и забыть Бога, по крайней мѣрѣ не слишкомъ усердно сѣшнлъ бы въ храмъ Божій, или не слишкомъ долго оставался бы тамъ. Но не такъ поступалъ боголюбивый царь и пророкъ: «желаетъ и порывается душа моя во дворы Господни, говаривалъ онъ, когда пойду и явлюсь предъ лицомъ Божиимъ!» А когда кто нибудь говорилъ Давиду: пойдемъ въ домъ Господень, то онъ очень радовался тому; счастливыми считалъ онъ живущихъ въ дому Господнемъ (Псал. 64, 5, 83, 5.); выше всѣхъ чтилъ друзей Божіихъ т. е. людей благочестивыхъ и богомольныхъ. Мало того: будучи царемъ славнымъ и сильнымъ, онъ не находилъ большей радости, какъ быть въ дому Божіемъ, — даже одинъ день, проведенный во храмѣ, онъ ставилъ дороже тысячи дней проведенныхъ внѣ храма, — между грѣшниками (Псал. 83, 11.); наконецъ того только и желалъ Давидъ, о томъ только и молилъ Бога, чтобы ему можно было вѣчно жить въ домѣ Господнемъ, присутствовать въ храмѣ святомъ. *Едино просихъ отъ Господа, говорилъ онъ, то възвину, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святыи Его* (Пс. 96, 4.). Отъ того-то св. Давидъ, какъ царь, и былъ такъ славенъ, и обладалъ такимъ царствомъ-обширнымъ, могуществен-

нымъ и богатымъ. Отъ того-то онъ, и кромѣ царскаго величія, имѣлъ столь высокія достоинства, пользовался столь вожделѣннымъ благоденствіемъ. Умъ его пръсвѣщаемъ былъ самымъ духомъ Божиимъ, вѣдалъ будущее и сокровенное, умѣлъ измыслить самыя сильныя побужденія къ благочестію, самыя высокія наставленія къ добродѣтели, какія видимъ мы въ его псалмахъ. Сердце его все было исполнено упованія и преданности въ волю Божию — и самыя великія несчастія, самыя глубокія огорченія, (а ихъ много перенесъ Давидъ)-не могли поколебать твердости его духа. Воля его искала только заповѣдей Божіихъ, къ нимъ только стремилась она: не въ храмѣ только Божиемъ памятовалъ св. Давидъ о Богѣ и Его законѣ — *пѣть, вечеръ и утро и полудне* повѣдалъ онъ судьбы Божіи; въ полночь вставалъ славословить Бога. *Я непрестанно видѣлъ предъ собою Господа*, говоритъ Самъ пророкъ-*такъ какъ бы онъ всегда былъ одесную мене, дабы я не совратился*. Вотъ какіхъ даровъ удостоился св. пророкъ Давидъ за великую любовь свою къ Богу и къ дому Божию!

Братіе христіане! Пророкъ Давидъ жилъ до пришествія Христова на земли, стало быть храмъ тогда былъ ветхозавѣтный а все ветхозавѣтное, какъ и самъ ветхій завѣтъ-было только тѣнію новаго, т. е. всего того, что получили и имѣемъ теперь мы чрезъ Христа. Въ тогдашнихъ храмахъ, *) восхвалялся Тотъ же Истинный Богъ, въ нихъ также совершались и разныя службы, и приносились жертвы; но всякому извѣстно, что какъ ни явственно въ солнечный день дождитя поземалъ тѣнь отъ вещей, все—же самыя вещи явственнѣе видѣе. Также точно и наши святыя храмы, несравненно болѣе, чѣмъ храмы ветхозавѣтныя, могутъ назидать насъ и руководить ко спасенію. При всемъ томъ св. царь псалмопѣвецъ не хотѣлъ, такъ сказать, и выходить изъ храма Божія, хотѣлъ вѣчно жить въ дому Божиемъ! Отъ чего же мы, слуш, такъ мало имѣемъ усердія къ храму Божию? Отъ чего мы не спѣшимъ сюда также, какъ спѣшилъ нѣкогда во храмъ пророкъ Давидъ? Въ нашей вѣрѣ православной, въ нашихъ св. храмахъ, открыто и явственно предлагается и возвѣщается намъ все то, что по слову Самаго Господа, *мнози древніе, пророцы и царе восхотѣша видѣти и не видѣша, и слышати*, что мы теперь слышимъ, *-и не слышаша!* А мы такъ равнодушныя къ дому Божию, что не только вся дни живота нашего, подобно Давиду, не стараемся пребывать въ немъ, но и въ праздники святыя ходимъ въ храмъ Божій не всегда и не всѣ. Душа наша не желаетъ, не порывается во дворы Господни. Ужели же по уму мы такъ свѣдуши во спасеніе, что уже не нуждаемся ни въ какомъ назиданіи, ни въ какомъ наставленіи? Ужели сердце наше такъ всегда довольно, такъ всегда весело и радостно, что

*) Разумѣются первый и второй храмы.

не требуетъ никакого утѣшенія, никаго подкрѣпленія? Ужели воля наша такъ тверда въ стремленіи къ добродѣтели, что для нея ненужны ни возбужденія, ни примѣры благочестія?.. Никто не думаетъ такъ?.. Безразсудно было бы и думать это. И самыхъ Богопросвѣщенныхъ людей снѣдала ревность къ дому Божію! Такъ, какая же причина нашей холодности къ святымъ храмамъ? «Тамъ все одно и то же? «на передѣ знаешь, что увидишь и услышишь тамъ?» Это говоритъ наша лѣнь, наша крайняя невнимательность. Подвижники Божіи всю жизнь разсматривали только небо, лѣса и горы, и не могли довольно насмотрѣться; читая въ нихъ, какъ въ великой книгѣ, явные слѣды премудрости, всемогущества и благодати Божіей; а въ храмахъ Божіихъ, кромѣ священнаго чтенія и пѣснопѣній, всякое дѣйствіе, всякое мѣсто, всякая по видимому, простая вещь имѣетъ свой особенный смыслъ, даже, можно сказать, свой голосъ; ибо въ храмѣ все возвѣщаетъ намъ не сказанную благодать и любовь Божію къ намъ. Тѣмъ то Св. храмы и отличаются отъ другихъ зданій и мѣстъ, что въ нихъ и старое всегда ново, и много разъ видѣнное всегда любопытно. Не отворачай только очей своихъ, христіанинъ, незакрывай слуха! Аминь.

БЕСѢДА II.

О значеніи благовѣста и надписей надъ церковными вратами.

Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ. (Псал. 121, 1).

Святые храмы наши тѣмъ и отличаются отъ другихъ зданій и мѣстъ, что въ нихъ и старое всегда ново и много разъ видѣнное всегда любопытно. Постараемся постепенно уяснять себѣ слова сїи и увѣримся въ истинѣ ихъ.

Время шествія во храмъ Божій возвѣщается у насъ звономъ колокола,—обстоятельство простое и всѣмъ извѣстное. Но отъ чего же у нашихъ благочестивыхъ предковъ былъ обычай, а у нѣкоторыхъ и теперь есть—при первомъ звукѣ церковнаго колокола, крестясь произносить сїи слова: *благовѣстуй земле радость велию, хвалите небеса Божію славу?* Отчего и самые вѣстники церковныхъ службъ—колокола издревле украшаются сими же, или подобными словами? Причина одна: благочестивыя души всегда смотрѣли на зовъ къ Богослуженію, какъ на самый радостный зовъ; оттого и называли этотъ зовъ благовѣстомъ т. е. благою вѣстію; оттого и приложили къ нему—и весьма прилично приложили, слова св. церкви, воспѣваемая въ праздникъ благовѣщенія. Собственно при зачатіи отъ Пресвятыя Дѣвы Сына Бо-

жія, Спасителя нашего—вся земля должна была возвѣщать свою радость и небеса восхвалять Божию славу; но и вѣсть о началѣ св. службы церковной, вѣрно до того радовала сердца христіанъ, что они, и при этой вѣсти, желали бы, такъ сказать, небо и землю привлечь въ свою радость, весь міръ возбудить къ веселію! Какъ узникъ радуется вѣсти о своемъ освобожденіи, такъ, вѣрно, и боголюбивые христіане радовались пѣкогда зову богослужебному. Благодареніе Господу! восклицалъ иной изъ нихъ: «теперь-то я могу уйти отъ этого шума и «суеты мірской, недающихъ мнѣ покою ни днемъ ни ночью! Теперь «то я вырвусь изъ этихъ волнъ житейскихъ, вѣчно грозящихъ мнѣ гибелью! Теперь то вкушу хотя краткій покой, укрывшись въ кровь «Бога Небеснаго!» «Слава Богу!» зывалъ другой: «теперь то враги «мой не постигнутъ меня, потому что *скрыта* меня Господь *въ селени* «*своемъ*. Пойду, поспѣшу *и явлюсь лицу Божию*! Тамъ свободно и безъ «помѣхи *пролюю предъ Нимъ* *моленіе мое, печаль мою предъ Нимъ* *возову*. И исполненные такихъ чувствованій, съ невыразимою радостію, стремились христіане въ храмы Божіи, какъ стремится елень на источники водныя. Такъ, братіе, и одинъ уже зовъ къ богослуженію заключаетъ въ себѣ много поучительнаго, много такого, что хорошо бы намъ навсегда запечатлѣть въ мысляхъ и въ сердцахъ!

Но вы поспѣшили на зовъ церковный; приближаетесь къ двору Господню: не безъ размысленія проходите врата церковныя! Не безъ вниманія вступайте въ двери храма! Недумайте, что тутъ нѣтъ ничего важнаго, что все уже вы видѣли прежде! смотрите: надъ вратами двора церковнаго, надъ дверію храма-святыя иконы! Незнакъ ли это того, что вы вступаете въ мѣста особенныя, во святилище Божіе, въ домъ Божій? А и въ дома сильныхъ земныхъ вступаемъ мы съ робостію, и въ двери владыкъ смертныхъ входимъ со страхомъ, а тутъ домъ Владыки Небеснаго-незабудьте этого!

Иногда надъ вратами церкви видите вы сіи слова: *Благословенъ грядый во имя Господне; или: освятилъ есть селение свое Вышній*. И та и другая надпись еще яснѣе вразумляютъ васъ, куда вы входите, и какъ должны входить; *благословенъ грядый* т. е. входящій, но не всякій входящій, а только *входящій во имя Господне*. А во имя Господне входить во храмъ только тотъ, кто входить туда единственно для молитвы и во все время стоянія тамъ занятъ только молитвою. Кто же не оставилъ за прагомъ церковнымъ всей житейской суеты, кого привелъ сюда обычай, кто ищетъ здѣсь-развлеченія отъ скуки, тотъ пришелъ въ храмъ не во имя Господне!—*Освятилъ есть селение свое Вышній*: а если освятилъ Господь селение свое: т. е. содѣлалъ храмъ святымъ; то и входить въ него мы должны какъ можно болѣе чистыми. Мы оставляемъ верхнюю одежду въ преддверіяхъ чужихъ домовъ: въ иныхъ мѣстахъ есть обычай оставлять тамъ даже и обувь-и

все это-въ уваженіе живущихъ въ тѣхъ домахъ. Не ужели же не окажемъ почтенія къ живущему въ храмѣ святомъ? Но не отложеніемъ одежды и обуви слѣдуетъ намъ выражать это почтеніе: имѣющій одну одежду пришелъ бы тогда въ недоумѣніе, покрытый рубищемъ во все смутился бы духомъ-нѣтъ: пришедшій на землю въ образѣ раба Господь нашъ не гнушается и рубищемъ; и не одеждой поведѣваетъ показывать благоговѣніе къ Нему и дому Его. Пусть одежда твоя въ храмѣ будетъ хотя мало лучше той, которую ты всегда носишь и то-если возможно для тебя: если же нѣтъ-иди на молитву и въ обыкновенной одеждѣ. *Богъ есть Духъ*, и служить Ему нужно болѣе духомъ и сердцемъ. Духовная-то чистота всего болѣе требуется отъ насъ, христіане, всегда-особенно же при вступленіи въ жилище Божіе? *Освятимъ есть селеніе свое Вышній*; и только чистые сердцемъ Бога узрятъ, говоритъ писаніе. Амнь.

БЕСѢДА III.

Означеніи паперти и трапезы и о смыслѣ пзображеній, иногда въ нихъ полагаемыхъ.

Вниду въ домъ твой, Господи, поклонюся ко храму Святому твоему во страхъ твоемъ (Пс. 5, 8.)

Съ благочестивыми размышленіями мы достигли прага церковнаго; съ такими же размышленіями внидемъ и въ самый храмъ Божій. По наставленію св. псаломѣвца и входитъ въ домъ Господень и поклоняться въ храмѣ святомъ нужно *въ страхъ Божіемъ*. Дабы всегда имѣть намъ, слуш., этотъ спасительный страхъ при вступленіи въ храмъ святой—послушайте сколько важныхъ предметовъ можетъ напомнить намъ самое преддверіе храма.

Прежде всего вы вступаете въ *паперть*. Въ древности это преддверіе храма устроилось по большей части открытымъ: несмотря на то впавшіе въ тяжкіе грѣхи должны были, по суду церковному, стоять здѣсь во время богослуженія. Имъ не только не дозволялось вкушать небесную пищу вмѣстѣ съ прочими христіанами, но и присутствовать въ храмѣ во время совершенія безкровной жертвы-запрещалось; они не могли даже наслаждаться слышаніемъ слова Божія и свят. поученій, въ древности читавшихся обыкновенно въ началѣ св. литургіи; имъ не дозволялось даже входить въ двери церковныя! И тамъ, внѣ, лишенные всякаго крова, всякой защиты отъ бурь и непогодъ-на вѣтрѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, они должны были оплакивать свои грѣхонаденія и, по вергаясь въ прахъ предъ входящими въ церковь Божію, со слезами

умолять ихъ-помолиться онихъ Богу. Это были именно *обуреваемые и принадлежащие*, какъ ихъ и называли въ древности. Вообразите при семь, слушатели, какъ великъ былъ стыдъ такихъ кающихся, ибо когда наказаніе надъ ними совершалось церковію явно, и было такъ тяжело, то каждый понималъ, что это великіе грѣшники, — вообразите это, и вы поймете какъ глубоко, какъ чисто и искренно каились нѣкогда христіане въ своихъ согрѣшеніяхъ, когда осуждали себя на такое униженіе предъ всѣми и столь тяжкіе труды и подвиги! какъ много дожили они чистогою совѣсти, честью быть истинными чадами церкви, когда съ терпѣніемъ переносили всякій стыдъ, всякое униженіе предъ человѣками, дабы не быть осужденными и посрамленными предъ Господомъ; ибо Господь сказалъ: *всякъ иже постыдится мене и словеса моихъ предъ челоуѣки и Сынъ челоуѣческій постыдится его* предъ ангелы Божиими. А мы, къ стыду нашему, и тайными наказаніями за грѣхи наши нерѣдко тяготимся, а подвигами и трудами, которые налагаютъ на насъ духовные отцы и во все огорчаемся: «я не снесу этого,» говоритъ иногда наша лѣньность; «эго не по моимъ силамъ», говоритъ наше нерадѣніе о спасеніи. А знаешь ли ты, кающійся, что устами твоего духовнаго отца говоритъ Самъ Богъ? Разрѣшаетъ тебя духовный отецъ-разрѣшаетъ и Господь; связываетъ онъ-связываетъ и Богъ! Для тебя и то уже великая милость св. матери церкви, что предъ тобою не затворяются теперь, по грѣхамъ твоимъ, врата св. храма, что въ надеждѣ исправленія не отлучаешься ты отъ овецъ Христовыхъ — общества вѣрующихъ, а въ древности и сему подвергались грѣшники! Будемъ же, бр., непрестанно памятовать и древній судъ церкви надъ грѣшниками и великіе подвиги ихъ для очищенія грѣховъ, и пусть каждый изъ насъ, вступая на паперь церковную, тщательно вопрошаетъ свою совѣсть, не заслуживаетъ ли и онъ того, чтобы запорогомъ храма плакать о своихъ грѣхахъ и за тѣмъ пусть каждый съ глубокимъ благоговѣніемъ входитъ въ двери храма, только милосердіемъ Божиимъ еще не заключенныя для насъ! Аминь.

БЕСѢДА IV.

(Продолженіе тойже матеріи.)

Что это означаютъ цѣлыя сонмы людей, по стѣнамъ церковной паперти иногда изображаемые? Это — картина страшнаго суда. Самое приличное мѣсто для таковыхъ изображеній у входа въ храмъ Божій: *поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши*, говоритъ писаніе; а писаніе не ложно. Видно же мы часто забываемъ, или лучше во все не помнимъ *послѣднихъ* нашихъ т. е. смерти, страшнаго суда, ада и царства небснаго-когда по слову апостола *много согрѣшаемъ вси*.

Такъ, пусть же хотя это изображеніе, хотя при входѣ въ храмъ Божій, живо напоминаетъ намъ и страшную участь грѣшниковъ и вожделѣнный жребій благочестивыхъ. Какъ можно глубже запечатлѣй это каждый въ своемъ сердцѣ, и тогда вступаи въ храмъ съ должнымъ вниманіемъ и страхомъ! Наконецъ, вы переступили порогъ святаго храма—будьте еще болѣе осмотрительны и внимательны. Эта часть храма, куда вы вошли, называется *притворомъ* и *трапезою*. Въ древности стояли здѣсь другіе роды кающихся христіанъ, которымъ позволялось присутствовать при св. Литургіи, по крайней мѣрѣ до половины; а также-оглашенные т. е. люди только готовившіеся къ крещенію. Здѣсь каждый снова испытай свою совѣсть—болѣе ли, нежели тѣ, достоинъ и ты присутствовать при святѣйшемъ богослуженіи. Поэтому не торопясь, со вниманіемъ и страхомъ входи въ дальнѣйшую часть храма—въ самую церковь;—смотри: изображеніе мытаря—въ смиренномъ видѣ и фарисея—въ положеніи величавомъ, очень кстати поставленное здѣсь, напоминаетъ тебѣ, какъ неразумно, безъ должнаго благоговѣнія, безъ глубокаго смиренія—спѣшить къ самому святилищу т. е. къ алтарю, какъ то сдѣлалъ фарисей, и какъ, напротивъ, спасительно, съ глубокимъ сознаніемъ своихъ грѣховъ, крайнимъ смиреніемъ, съ опущенными долу глазами, молиться, близъ прага церковнаго какъ то сдѣлалъ мытарь! *Сей*, по слову Господа, *вышелъ* изъ храма *оправданнымъ* *на* *че* *перваго* т. е. фарисея!

Въ притворѣ же церковномъ, въ древнія времена, крещаемы были увѣровавшіе во Христа и здѣсь же послѣ богослуженія изъ остатковъ хлѣба и вина, приносимыхъ къ св. Литургіи, учреждаемы были единокупныя, братскія трапезы христіанъ,—трапезы, за которыми съ особенною заботливостію питаемы были странники, сироты, престарѣлые и бѣдные. И это при вступленіи въ храмъ Божій очень полезно знати помнить. Здѣсь крестились вѣрующіе во Христа:—вспомни и каждый, что и ты также крестился во имя св. Троицы, что и ты нѣкогда вышелъ изъ купѣли чистымъ и безгрѣшнымъ, что и ты далъ Богу обѣтъ, быть таковымъ на всегда: вспомни это и размысли внимательно—таковъ ли ты теперь. «Здѣсь съ любовью питаемы были нищія и безпомощные, милостынею, стало быть, сопровождали, древніе христіане молитвы свои въ св. храмѣ. Подражай и ты милосердію ихъ—подражай особенно идя на молитву, или выходи изъ храма: нѣтъ теперь въ церкви общихъ братскихъ трапезъ для бѣдныхъ; за то бѣдные всегда есть и всегда ожидаютъ твоей помощи, даже—будто нарочно—они являются глазамъ твоимъ при вступленіи въ храмъ. Помни, что не ты только даешь нищимъ, а и нищія нѣчто даютъ тебѣ,—и даютъ гораздо важнѣйшее, чѣмъ ты даешь имъ: они удобряютъ и исправляютъ твою молитву, дѣлаютъ ее доступнѣе къ небу, даже, можно сказать, возносятъ ее къ

престолу Божию. *Милости хошу а не жертвы*, сказалъ Самъ Господь! Что и жертвы наши, что и молитвы безъ милостыни? Съ милостынею молитва восходитъ предъ Бога.

Вотъ какія мысли, христіане, внушаетъ намъ преддверіе св. храма! Вотъ какъ многому полезному можемъ мы научиться и здѣсь, если будемъ входить въ храмъ Божій съ должнымъ вниманіемъ и размышленіемъ! Аминь.

Не дай, Богъ, смерти.

Не дай, Богъ, смерти—говорять и пишутъ почти обыкновенно, когда выражаются о случаѣ часа смертнаго: выраженіе это сдѣлалось столь общеупотребительнымъ, что и не замѣчаютъ всей его несообразности. *Не дай, Богъ, смерти!*.... Да развѣ можно избѣгать смерти?—Смерть—неизбѣжная участь земнородныхъ.—Но если смерть и неотвратима, то хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, отдалить часъ смертный.... Отъ чего же это?—*Сама ли смерть отвращаетъ насъ, или привязываетъ здѣшняя жизнь, или смущаетъ жизнь будущая?*.....

Да, страшно умирать. Вотъ предсмертный голосъ умирающаго ¹⁾:

«Каплямъ подобно дождевнымъ, зліи и маліи дніе мои лѣтнимъ обхожденіемъ оскудѣвающе по малу исчезаютъ уже....»

«Содержитъ нынѣ душу мою страхъ великъ, трепеть исповѣдимъ и болѣзненъ есть, внигда изыти сей отъ тѣлесе....»

«Обыдоша мя мысленніи рыкающе скимны и ищутъ восхитити и растерзати мя горьцѣ....»

«Иже по плоти сродницы мои, и иже, по духу братіе и друзи, и обычніи знаеміи, плачите, воздохните, сѣгуйте: се бо отъ васъ нынѣ разлучаюся.»

«Нынѣ избавляяй никако, и помогай во истину никтоже....»

«Устнѣ мои молчатъ и языкъ не глаголетъ, но сердце вѣщаетъ: огонь бо сокрушенія сіе сіѣдая внутрь возгорается...»

«Растерзаеми соузы, раздираеми законы естественнаго сгущенія, и составленія всего тѣлеснаго, нужду нестерпимую и тѣсноту сотворяють ми....»

«Ночь смертная мя постиже неготова, мрачна же и безлунна, предущающи не приготовлена къ долгову оному пути страшному....»

«Зря конецъ близу житія моего и помышляю безмѣстныхъ мыслей, дѣяній же всечистая, душу мою дѣлательницу, лютѣ уязвляю ея стрѣлами совѣсти...»

Такова печальная картина предсмертная: за нами—наша краткая

1) Канонъ молебень на исходъ души.

земная жизнь, предъ нами вѣчная будущность, вокругъ насъ — духи злобы поднебесные и плачущіе сродники, друзья знакомые, внутрь насъ самихъ — разрушающаяся природа наша и угрызения совѣсти.... Но вотъ уже и совершился роковой мигъ.... Ахъ, если страшно *предощущение смерти*, то сколь ужаснѣе самый *видъ смерти*! Таковъ надгробный вопль ²⁾):

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти?....»

«Кое разлученіе, о братіе, кій плачь, кое рыданіе въ настоящемъ часѣ: приидите убо, цѣлуйте бывшего въ малѣ съ нами: предается бо гробу, камнемъ покрывается, вогму вселяется, съ мертвыми погребается и всѣхъ сродниковъ и друзей нынѣ разлучается....»

«Приидите внуцы Адамовы, увидимъ на земли поверженнаго по образу нашему все благолѣпіе отлагающа, разрушенна вогробѣ гноемъ, червми, тмою иждиваема, землею покрываема....»

«Приидите, братіе, во гробѣ узримъ пепель и персть, изъ нея же создахомся, камо нынѣ идемъ? что же быхомъ, кій убогъ или богатъ, или кій владыка, кій свободъ? и не всели пепель? доброта лица согни и юности весь цвѣтъ увяди смерть.»

«Вси тѣлесніи нынѣ органы празны зрятся, иже прежде мала подвижими бяху, вси недействительни, мертви, нечувственни, очи бо заидоша, связи стѣся нозѣ, руцѣ безмолствуете, и слухъ съ ними, языкъ молчаніемъ заключися, гробу предается...»

И такъ красота наша, которая обольщаетъ и которою обольщаются — прахъ, пепель, гниль, смрадъ, наслѣдіе червей; и такъ гордость и тщеславіе наши, которымъ тѣсень весь міръ, заключаются въ четырехъ стѣнахъ гроба, помѣщающагося навсегда въ нѣсколькихъ шагахъ земли; и такъ орудія нашей разнообразной неутомимой дѣятельности — ноги, руки, уши, глаза — мгновенно оцѣпенѣли навѣки.... Поистиннѣе, есть отъ чего прийти въ ужасъ, если конецъ нашъ такъ быстръ и рѣшителенъ, если мы такъ жестоко прекращаемся въ ничтожество, если даже остатки нашей разорившейся храминны тѣлесной возбуждаютъ отвращеніе? — Да и жизнь усоннаго, оплакиваемого живыми, стоитъ ли плача и сожалѣнія, если всѣ усилія наши лучше и прочнѣе устроить се, разрушаясь въ одинъ мигъ, неоставляютъ для насъ никакихъ послѣдствій? Сама церковь въ своемъ погребальномъ напутствованіи, напоминаетъ намъ въ рѣзкихъ чертахъ, живыхъ образахъ, *оуетности, тлѣности нашего земнаго бытія*:

«Во истину суета всяческая, житіе же сѣнь и соніе, ибо всеу мятется

2) Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ.

всякъ земнородный, якоже рече писаніе: огда міръ приобрящемъ, тогда во гробъ вселимся и даже вкупѣ царіе и нищія...

«Кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? кая ли слава стоитъ на земли не преложна? Вся сѣнь немощѣйша, вся соній прелестнѣйша: единымъ мгновеніемъ, и сія вся смерть приемлетъ...

«Вся суета человѣческая, елика непробываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, ни шествуетъ слава: пришедшей бо смерти, сія вся потребишася...

«Гдѣ есть мірское пристрастіе? гдѣ есть привременныхъ мечтаніе? гдѣ есть золото и серебро? гдѣ есть рабовъ множество и молва? вся персть, вся пепель, вся сѣнь....

«Поминухъ пророка вопіюща: азъ есмь земля и пепель, и пакы разсмотрѣхъ вогробѣхъ и видѣхъ, кости обнажены: и рѣхъ; убо кто есть царь, или воинъ, или богатъ, или убогъ, или праведникъ, или грѣшникъ....

«Яковъ животь нашъ есмь? цвѣтъ и дымъ, и роса утренняя во истину: придите убо, узримъ на гробѣхъ ясно, гдѣ доброта тѣлесная, гдѣ юность, гдѣ суть очеса и зракъ плотскій? вся увядоша яко трава; вся потребишася...

«Елій плачь и рыданіе, веліе въздыханіе и нужда, разлученіе души, адъ и погибель, привременный животь, сѣнь непостоянная, сонъ прелестный, безвременно мечганень трудъ житія земнаго....

«Во истину суета и тлѣніе, вся житейская виды, и беславная: вси бо исчезаеми, вси умремъ, царіе же и князи, суди и насильници, богатіи и убо іи, и все естество человѣческое; нынѣ бо, иже иногда въ житіи, во гробы ввергаются...»³⁾

«Идемъ путемъ вѣчнымъ, предстояще якоже осуждени, долѣ моающе вси лицами. Гдѣ тогда доброта? гдѣ пенязи? гдѣ слава тогда житія сего? ничто же сихъ тамо поможетъ намъ...

«Ничто же сице есть удобозабываемое, яко чловѣку отъ чловѣка разлучаему, аще бо и мало время поминаемъ, но абіе смерть забываемъ, яко не умерша сего имуще: и родителие безчада всячески забываютъ, яже отъ утробъ каждаго воспиташа....

«Колицы убо внезапно восхитишася отъ самѣхъ сосцевъ вогробъ, и спрягошася сиряженіемъ вѣчнымъ, и сотвориша плача непринуждаемый и отъ чертога не восташа: но вкупѣ бракъ, вкупѣ гробъ, сиряженіе, вкупѣ и распряженіе, вкупѣ смѣхъ, вкупѣ плачь...

«Странное смерти гаянство: надходитъ бо всѣмъ въ безгодии, естество растлѣвается нуждою, старцы взимають, игумены, книжники, учителя, суетная мудрствующыя тлить, Епископы, пастыри....»⁴⁾

3) Послѣдованіе погребенія мірскихъ чловѣкъ.

4) Погребеніе священниковъ.

Какъ тѣнь, какъ сонъ, какъ цвѣтъ, едва расцвѣтшій и уже отцвѣтшій, какъ дымъ, возносящійся горѣ и тотчасъ же разсѣвающійся долу, какъ роса, появляющаяся и исчезающая вмѣстѣ: такова земная жизнь наша! Что слава, что красота, что всѣ замыслы и пріобрѣтенія наши? Смерть все уносить, все останавливаетъ ... И неизбѣгаетъ ее — ни молодость, ни старость, ни умъ, ни сила.... И равняетъ она всѣхъ—владыкъ и рабовъ, знатныхъ и худородныхъ, богатыхъ и убогихъ.... И что же самая память наша въ этомъ мірѣ, когда ничто такъ скоро не забывается какъ человѣкъ, вышедшій изъ міра, даже самыми близкими?... Но какъ небыстротечна земная жизнь наша, какъ ни не прочны блага ея, какъ нискудна самая память о насъ въ этой жизни—отчего же такъ трудно растаять съ нею, отчего мы страшимся конца ея?—Смущаемся и недоумѣваемъ — *что ждетъ насъ за дверями гроба?* такъ объясняетъ церковь, трогательно взывая:

«Что горькія умирающихъ глаголы, братіе, яже вѣщаютъ, егда отходятъ: братій разлучаюся, друзей оставляю всѣхъ, и отхожду: камо убо иду не вѣмъ; или како имаю быти тамо, не вѣмъ; точю Богъ призывый мя...

«Камо убо души нынѣ идуть; како убо нынѣ тамо пребываютъ—желахъ вѣдати таинство, но никтоже доволенъ повѣдати, егда и они поминаютъ своя, множе и мы оныя, или они прочее забыша плачущыя ихъ....

«Ни кто же бо тамошнихъ паки оживе да речеть намъ, како пребываютъ, иже иногда братія и внуцы тамо предваривше ко Господу. Тѣмъ же множицею присно глаголемъ: егда есть тамо видѣти другъ друга; егда есть тамо видѣти братію... »⁵⁾

Куда идемъ, и какъ тамъ будемъ? Помнятъ ли насъ отшедшіе прежде насъ туда, такъ какъ мы вспоминаемъ ихъ здѣсь? Отшедши же и сами соединимся ли мы тамъ съ предупредившими насъ? Какъ свойственны природѣ человѣческой подобныя тревожныя помыслы! — А между тѣмъ неизбѣженъ и расчетъ за здѣшнюю нашу жизнь—*посмертный судъ*. И вотъ умершій, предъ которымъ уже раскрылась вѣчность, устами церкви обращается къ окружающимъ гробъ его, съ трогательнымъ прошеніемъ:

«Зряще мя безгласна и бездыханна подлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовалъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный: по прійдите вси любящіе мя и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ: не кому бо съ вами похожу, или собесѣдую прочее: къ Судии бо отхожду, и дѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкушѣ предстоять, царь и воинъ, богатый и убогіи, въ равнѣмъ достоинствѣ: кійждо бо отъ

5) Погребеніе священниковъ.

своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, не престанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія; но да вчинишь мя, и дѣже свѣтъ животный.» 6).

Но и сама церковь, вспоминая имущій быть грозный судъ, возноситъ свои молитвы за усопшаго:

«Никто же убѣгнетъ тамо сграшнаго суда твоего престола. Царіе сильніе вси съ рабы вкупѣ предстануть, и гласъ Судіи страшный согрѣшившихъ людей на судъ геенны отшлетъ....

«Воставше убо вси соберитесь и съдше слово услышите: сграшное братіе, судище идѣже имами вси предстати: нѣсть тамо рабъ, ни же свободенъ, ниже есть тамо малый, ниже великій, но вси нази предстанемъ....

«Яко въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія усопшаго брата въ обителехъ святыхъ вчинити, Христови усердно помолимся вѣрніи: судъ бо тамъ грозный и испытаніе страшное: и никто же самъ себѣ помощи можетъ, развѣ благая дѣла и общая вѣрнихъ молитва....

«Прійдите и видити вси странное и грозное видѣніе всеѣмъ познаваемое. образъ нынѣ в димый и не ктому мудрствуйте привременная. Днесъ душа отъ тѣла разлучается, къ вѣчному представляема міру: въ путь бо идетъ, имъ же никогда же шествова, и къ Судіи не лицепріятному, идѣже предстоятъ ангеловъ чины: страшно бо братіе, судище оно, идѣже вси предстанемъ нази, овін убо вѣнчаеми, овін же посрамляеми.» 7)

Страшенъ судъ, котораго никто не избѣжитъ, на который предстануть вмѣстѣ безъ различія—властвующіе и подвластиме, богатые и убогіи, великіе и малые, на которомъ обнажится все сокровенное наше, предъ Судією нелицепріятнымъ. Но еще страшнѣе наказаніе, ожидающее осужденныхъ, которое церковь представляетъ, въ виду усопшаго, для поученія остающимся на землѣ:

«Великъ судъ, нужда же несповѣдимая геенны есть, братіе, тамо бо души грѣшныхъ съ тѣломъ убо палятся, и съ болѣзнію слезягъ....

«О кій часъ страшный согрѣшающихъ ожидаетъ, братіе! о кій страхъ тогда! огонь поясть геенскій, и вѣчно мучити будетъ....

«Безмірна есть блудно живущимъ мука, скрежетъ зубный, и плачь неугѣшимый, мракъ несвѣтимый, и тьма кромѣшная, и червь неусыпаемый, слезы недействительны, и судъ безъ милости»... 8).

Такъ вотъ отъ чего боимся мы смерти! Эта смертная боязнь весьма естественна природѣ нашей, но и благодѣтельна для насъ, если

6) Послѣдованіе погребенія мірскихъ человекъ.

7) Погребеніе священниковъ.

8) Погребеніе священниковъ.

слѣдствіе ея бываетъ благовременное покаяніе и стремленіе къ самонаправленію.

Но взглянемъ на смерть съ другой стороны, — и мы увидимъ, что смерть не есть прекращеніе бытія, но временное успокоеніе, освобожденіе отъ печалей земной жизни, или благовременное избѣжаніе ихъ, наконецъ, что она переходъ отъ этой временной жизни къ иной, вѣчной, лучшей жизни; въ чемъ удостовѣряетъ и церковь какъ бы устами усопшаго:

«Почто мене рыдаете люте, о человеѣцы! почто все мятетеся? преставленный всѣмъ провѣщаетъ: смерть бо есть всѣмъ упокоеніе; отнюду же гласъ Іова услышимъ, глаголюща: смерть мужу покой есть....»

«Нынѣ упокойся и обрѣтохъ слабу многу, яко преставихся отъ истлѣнія и приложихся къ животу.... 9)»

«О мнѣ не рыдайте, плача бо ничто же начинахъ достойное, паче же самихъ себе согрѣшающихъ плачете всегда, сродницы и друзи, умершій зоветъ младенецъ: яко да искуса не возмете мученія.»

«Что мя плачете младенца преставльшагося? лежай вопіеть невидимо, нѣсть плачевный: младенцемъ бо опредѣлися праведныхъ всѣхъ радость, достойная слезамъ не содѣлавшимъ дѣла....»

«Смерть младенцамъ ослаба: житейскихъ бо золъ не причастни явишася, и къ покою приспѣша, и радостію небесною во Авраамехъ нѣдрахъ радуются, и младенецъ святыхъ Божественнымъ ликомъ нынѣ свеселятся, и вѣрно ликуютъ, яко отъ тлѣнія грѣхोलюбнаго чисты отидоша.... 10)»

О всякой же душѣ христіанской молится церковь воспѣвая:

«Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.» 11)

Несомнѣнно, что отъ такой жизни никто не откажется и охотно замѣнитъ ея здѣшнюю жизнь, преисполненную болѣзней, печалей, и всякаго рода невзгодъ; да если для нѣкоторыхъ она и проходитъ болѣе или менѣе во благоденствіи, то все таки она конечна, и чѣмъ бываетъ пріятнѣе тѣмъ чувствительнѣе ея скоротечность, а между тѣмъ за нею слѣдуетъ жизнь безболѣзненная, безпечальная, безмятежная и притомъ безконечная.... О, сладостная надежда, о возделѣнное упованіе! И какъ весильна эта надежда, какъ благотворно это ожиданіе! Ими ободрялись и укрѣплялись святые мученики, за вѣру въ жизнь небесную жертвовавшіе охотно жизнію земною.... Ими вооружаются благочестивые подвижники на борьбу плоти съ духомъ, предпочитая

9) Погребеніе священниковъ.

10) Чинъ погребенія младенческаго.

11) Послѣдованіе погребенія мірскихъ человекъ.

глубиннымъ благамъ неглубиныя обѣтованія... Ими каждый несчастливецъ, которому ничего уже въ этомъ мѣрѣ болѣе не остается, побуждается къ долготерпѣнію... Ими всякъ земнородный утѣшается въ своихъ потеряхъ, лишеніяхъ, разочарованіяхъ... Безъ нихъ тяжело, страшно разставаться съ жизнію, какъ это доказываютъ примѣры смерти сомнѣвающихся въ безсмертіи души. невѣрующихъ въ жизнь загробную: ибо вѣра въ воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка, которою они просвѣщены при крещеніи, ничѣмъ заглушена быть не можетъ и, противъ воли ихъ, независимо отъ ихъ сознанія, не молчно вопіетъ въ нихъ, а въ послѣднія минуты разставанія съ жизнію, обнаруживается безвыходнымъ отчаяніемъ или слѣпымъ ожесточеніемъ; таковы же и самоубійцы, посягающіе на жизнь свою, отъ нетерпѣливости и безсилія переносить тѣлесныя недуги, или душевныя страданія; а тѣ, что хладнокровно разглагольствуютъ о самоубійствѣ, чаще всего оказываются трусами на дѣлѣ.

Что же изъ всего этого заключить можно? На это опять таки указываетъ церковь, которая непрестанно молится о всѣхъ, и проситъ у Господа: «прочее время живота нашего въ мѣрѣ и покаяніи скончати, христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны и добраго отвѣта на Страшномъ судищѣ Христовѣ»; о чемъ каждый долженъ молиться за себя и за близкихъ себѣ, вмѣсто того, чтобы безсмысленно говорить—*Не дай Богъ смерти!*

« Именной Высочайшій указъ отъ 28-го минувшаго марта о возведеніи Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Серафима въ санъ Архіепископа, за позднимъ полученіемъ онаго въ редакціи напечатанъ будетъ въ слѣд. №. 10-мъ Вор. Еп. Вѣдомостей.»

Редакторъ Пр. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоръ Н. Волковъ. Воронежъ. Апрѣля 30-го дня, 1871 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.